

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Э.А. Паин

*д.полит.н., канд. истор. наук (этнология), ведущий научный сотрудник,
Институт социологии ФНИСЦ РАН (Москва)*

ПОЗИТИВНОЕ ВЫРАВНИВАНИЕ В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ: «ЗА» И «ПРОТИВ». ОПЫТ СССР, СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И ДРУГИХ ГОСУДАРСТВ¹

Аннотация. В статье показана динамика за последнее столетие политики позитивного выравнивания (affirmative action) в сфере сохранения и возрождения языков меньшинств и коренных народов. Анализ основан на сравнении языковых политик Советского Союза, постсоветской России и ряда зарубежных стран. Советская политика «коренизации» (1920-х — начала 1930-х гг.) была первым в мире опытом создания преимуществ для развития языков меньшинств и коренных народов, а также полной противоположностью политики запретов на использование таких языков, характерной в то время для многих стран мира. Ситуация радикально изменилась в современных условиях. Большинство государств с либеральным режимом и рыночной экономикой проводят политику, похожую на советскую «коренизацию» в отношении возрождения языков ранее колонизированных народов, тогда как Россия с 2010 гг. всё дальше отходит от советской политики коренизации. Основной вопрос статьи связан с анализом противоречия между достоинствами «позитивного выравнивания» в сфере языковой политики и её недостатками в сфере социальных и межэтнических отношений.

Ключевые слова: языковая политика, позитивное выравнивание, национальные меньшинства, коренные народы, титульные национальности республик.

JEL: A12, A13, I24, Z10

УДК: 323.1

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_151_170

© Э.А. Паин, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: : Паин Э.А. Позитивное выравнивание в языковой политике: «за» и «против». Опыт СССР, современной России и других государств // Вопросы теоретической экономики. 2024. №3. С. 151–170. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_151_170.

FOR CITATION: : Pain E. Positive Alignment in Language Policy: Pros and Cons. The experience of the URSS, Modern Russia and Other States // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 3. Pp. 151–170. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_3_151_170.

¹ Исследование выполнено в рамках «Программы научных исследований 2023–2025 гг., связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности» (руководитель академик РАН В.А. Тишков).

Введение

В настоящее время нет общепринятого определения понятия «языковая политика», хотя большинство авторов используют его для обозначения совокупности целенаправленных действий государства и общества по решению какого-то круга языковых проблем. Чаще всего языковая политика призвана регулировать отношения между различными этническими языками в полиэтническом, многоязычном обществе [Алпатов, 2013]. В эпоху колониальных завоеваний нарушения этого соотношения могло быть обусловлено насильственным подавлением языков покорённых народов, запретами на их использование за пределами домашнего обихода. Ныне же баланс между языками в многоязычном государстве чаще всего нарушается в результате ненасильственной, хотя почти всегда вынужденной, утраты языковой лояльности представителями коренных народов и этнических меньшинств к своему родному языку (*mother tongue*). У родного (материнского) языка есть изначальные преимущества, поскольку для людей привычнее и психологически удобнее разговаривать на языке, известном с раннего детства, но некие социально-экономические обстоятельства могут вынуждать представителей этнических меньшинств осваивать язык окружающего населения — этнического большинства.

На протяжении нескольких веков в мире господствовала политика культурной ассимиляции этнических меньшинств и малочисленных коренных народов, их поглощение более сильными конкурентами — крупнейшими и политически доминирующими народами. Однако на рубеже XX–XXI вв. стал усиливаться интерес мирового сообщества к сохранению и возрождению традиционного культурного наследия, в том числе и в языковой сфере. Исчезновение тех или иных этнических языков перестало рассматриваться в качестве неизбежности и нормы и всё чаще воспринимается человечеством как неприемлемая угроза. На это обращает внимание резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, провозгласившая 2022–2032 гг. *Международным десятилетием языков коренных народов мира*, чтобы «привлечь внимание мировой общественности к бедственному положению многих языков коренных народов и мобилизовать заинтересованные стороны и ресурсы для их сохранения, возрождения и продвижения».

Эксперты ЮНЕСКО создали мировой Атлас угроз языкам коренных народов. Международная классификация угроз языкам основывается, главным образом, на анализе состояния межпоколенной трансляции языковых навыков. Эксперты полагают, что разрыв такой трансляции, когда дети перестают воспринимать этнический язык родителей (*mother tongue*) в качестве значимого для их социальной практики, является важнейшим индикатором угрозы исчезновения этнического языка.

Целесообразность сохранения языкового разнообразия ныне считается аксиомой в современной академической науке и принята в политических кругах [Алпатов, 2013; Ginsburgh, Weber, 2016]. По этому поводу нет различий между официальными политическими установками России и международных организаций. Вместе с тем декларативная поддержка идеи сохранения языкового многообразия не во всём сопровождается готовностью некоторых государств или региональных администраций осуществить эту целевую установку на практике. Особенно в случаях, если такая цель требует введения государственного протекционизма в отношении обязательного использования языка меньшинств в государственном управлении и в системе образования, а также применения других элементов политики позитивного выравнивания, которую не случайно называют и «позитивной дискриминацией».

В современном мире хорошо известен феномен *affirmative action* (*меры позитивного выравнивания или позитивной дискриминации*). Это социальная политика, которая предполагает создание преимуществ для представителей меньшинств (этнических, расовых, гендерных и др.), облегчая им достижение фактического равенства в социальной мобиль-

ности, уровне образования, доходах и в ряде других сфер, включая и возможность сохранения родного языка. Ныне такая политика стала нормой, но в 1920–1930-х гг. она проявилась только в одном государстве — Советском Союзе. Начавшийся со времён советской политики «коренизации» мировой опыт использования позитивного выравнивания для сохранения и возрождения языков меньшинств и коренных малочисленных народов указывает на эффективность такой практики для перелома тенденций исчезновения этнических языков. Вместе с тем модель *affirmative action* может рассматриваться, по крайней мере, как дискуссионная в социальном и политическом отношении, прежде всего при рассмотрении её последствий в сфере межэтнических отношений. Эта дискуссионность — один из основных предметов нашего анализа. Другой его стороной выступают исследования сходства и различий между опытом позитивного выравнивания в разных государствах, при различных политических режимах.

Советская политика «коренизации» — первый в мире опыт «позитивного выравнивания»

Американский историк Т.Мартин, называя СССР 1920–1930-х гг. «Affirmative action empire», подчёркивал этим названием не столько имперское прошлое страны, сколько факт уникальности её этнической политики в первые 15 лет жизни после образования Союза ССР [Мартин, 2011]. Политика преимущественного культурного развития этнических меньшинств и коренных малочисленных народов проводилась тогда в какой-то мере в ущерб интересам этнического большинства страны — русских. И это противопоставление не скрывалось, а подчёркивалось в политических заявлениях лидеров большевиков. В. И Ленин сформулировал основы этой политики ещё в 1913 г. Её главный признак — классовый подход к этно-национальной проблематике, подчёркивающей различия между «угнетёнными нациями» и «нациями угнетателей». Такими понятиями Ленин характеризовал как внутреннюю раздвоенность этнических общностей (по его мнению, в каждой из них «есть две нации» — нация угнетённых и нация угнетателей), так и различия двух типов национализма [Ленин, 1913. С. 129]. Национализм меньшинств в ленинской интерпретации чаще определялся как «национально-освободительная борьба». Термин «национализм» он обычно использовал в сугубо негативном значении и относил его к деятельности политических сил, защищавших царскую власть и империю от имени этнического большинства — русских, или великороссов/великорусов, как их тогда называли. Такой национализм, именовавшийся в среде большевиков не иначе, как «великорусский шовинизм», решительно осуждался.

В ходе подготовки к образованию СССР Ленин развил свою концепцию «угнетённых наций», предложив проводить по отношению к ним политику «...создания преимущества, которое бы возмещало со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» [Ленин, 1922 С. 359].

Исторические факты не подтверждают представлений о преимущественном положении этнических русских в Российской империи, по крайней мере, в социальном отношении. По переписи 1897 г. доля русских, умеющих читать, среди взрослого населения, составляла всего 29,3%, это немного превышало средний показатель по стране (21,1%), но было существенно ниже, чем у финнов — 98,3%, эстонцев — 94,1%, латышей — 85%, немцев — 78,5%, евреев — 50,1%, литовцев — 48,4%, поляков — 41,8% и др. Средняя продолжительность жизни у русских составляла (28,7 лет) и была ниже, чем у многих «угнетённых наций», по крайней мере у общностей, связанных с протестантской и католической религией, а также у молдаван (40,5), евреев (39), украинцев (38,1), башкир (37,3), белорусов (36,2), татар (34,9), чувашей (31) [Миронов, 1999 Т. 2. С. 152].

Ленин мог не знать этого, а если бы и знал, то вряд ли придавал бы значение этим фактам, поскольку руководствовался тем же подходом, что и его идейные учителя. К. Маркс и Ф. Энгельс выступали против национального неравенства не всегда, а только в том случае, если борьба с ним имела, по их мнению, «классово прогрессивный» характер. Например, в 1848 г. они по-разному оценили два национальных восстания в рамках «Весны народов» — поддержали выступление ирландцев против англичан и осудили аналогичное словацкое восстание в Австро-Венгрии, которое, по их мнению, не было прогрессивным. Вот и провозглашённая Лениным политика «устранения былого неравенства меньшинств» оправдывалась им в политическом отношении. Напомню, что в 1918 г. из состава бывшей Российской империи вышли не только Польша, Финляндия и Украина, но и все государства балтийского, кавказского и среднеазиатского регионов.

После гражданской войны перед большевиками стояла задача вернуть доверие национальных окраин к центральной власти путём создания для меньшинств некоторых преимуществ. В этих же целях великорусский шовинизм объявлялся большевиками главной политической угрозой. Маловероятно, что лидеры большевиков считали такую «позитивную дискриминацию» заведомо бесконфликтной, поскольку уже в 1920-е гг. появились свидетельства недовольства ею русских людей в автономиях России и в республиках Советского Союза [Аршин, 2023 С. 333-348]. Однако уровень недовольства преимуществами, предоставляемым меньшинствам в культуре, был, несомненно, ниже, чем неприятие русскими людьми последующих политических кампаний (коллективизации и раскулачивания), которые проводились большевиками, несмотря на серьёзное общественное сопротивление.

На идею позитивного выравнивания долгое время опирался и И.В. Сталин, который отразил эту точку зрения в качестве политической стратегии на XII съезде РКП(б), проходившем уже без участия Ленина (17–25 апреля 1923 г.). В докладе Сталина «Национальные моменты в партийном и государственном строительстве» подчёркивались три основные идеи: а) решительное осуждение «русификаторской политики царизма»; б) поддержка борьбы «зависимых национальностей за освобождение от империалистического гнёта»; в) необходимость активной борьбы партии с пережитками «великодержавного шовинизма, являющегося отражением былого привилегированного положения великорусов» [Сталин, 1923]. Сталин предложил: *«принять все меры к тому, чтобы Советская власть в республиках стала понятной и родной <...> Советская власть, до последнего времени являвшаяся властью русской, станет властью не только русской, но и междунациональной, родной для крестьян ранее угнетённых национальностей, когда учреждения и органы власти в республиках этих стран заговорят и заработают на родном языке <...> Для этого необходимо, чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы, как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс».* [Там же].

Считается, что именно этот доклад положил начало политике «коренизации» — одной из важнейших политических кампаний Советской власти в 1923–1936 гг. В советской политической практике она выражалась в: продвижении представителей национальных меньшинств на руководящие посты в партии и государстве; создании национальных автономий; а главное — в форсированном развитии национальной (этнической) культуры: языка, образования, искусства и т.д. С 1923 г. лозунги о помощи «нацменам» замелькали в агитационно-пропагандистской литературе.

Современный китайский историк Лю Сяньчжун отмечает, что за 5–7 лет политика «коренизации» обеспечила такие успехи в развитии национальных языков, о которых десятилетиями мечтали выдающиеся деятели культуры многих народов Российской империи. Уже к 1925 г. в начальных школах РСФСР «преподавание велось на 68 языках... К 1927 г. 90% белорусских, 94% киргизских и почти 96% татарских учеников на территориях своих республик использовали родной язык при обучении в начальной школе [Лю Сяньчжун, 2014].

Большинству из этих народов, в том числе и таким крупным, как белорусы, впервые была предоставлена возможность получения начального образования на родном языке, что было особенно важно для ликвидации безграмотности в сельской местности.

Помимо создания национальных школ и популяризации языков малочисленных народов и этнических меньшинств, «Советское правительство требовало вести официальный документооборот и издавать учебную литературу на национальных языках. Например, в ЗСФСР в 1925 г. большинство официальных документов центральных ведомств составлялось на местных языках; <...> Если 1922 г. на Украине лишь 20% документов составлялось на украинском языке, то в 1927 г. их доля возросла до 70%» [Лю Сяньчжу, 2013]. В эти годы было создано более 60 этнических алфавитов (хотя не все из них прижились) и свыше 40 народов СССР впервые обрели свою письменность. У общностей, не имевших своих республик в составе СССР (поляков, евреев, цыган и др.), в 1920-х гг. появились свои школы, газеты, театры, вузы. Всё это — несомненные достижения «коренизации». Однако очень скоро обнаружилось и её недостатки.

В ходе повальной кампании «коренизации», национальные школы зачастую открывали до того, как успевали подготовить преподавателей для работы в них. Если в сёлах всегда не хватало учителей, то во многих городах количество школ превосходило количество учеников, которые могли бы в них учиться. Запись в национальные школы проходила на основе принудительной этнической идентификации по происхождению родителей, хотя ребёнок по языку и культуре мог относить себя к другой этничности. Это создавало проблемы, особенно для детей из смешанных семей.

Перевод делопроизводства на национальные языки в южных республиках происходил в условиях почти тотальной неграмотности местного населения и первоначально был сугубо фиктивным. По переписи 1897 г. на Южном Кавказе доля неграмотных составляла 83%, а в Средней Азии — 94%, поэтому даже при форсированной мобилизации в государственное управление местных национальных кадров этих людей было недостаточно для обеспечения в 1920-е гг. работы республиканских учреждений на национальных языках.

В сфере поощрения карьерной мобильности национальных кадров проявились наибольшие проблемы «коренизации». Продвижение во власть одних групп национальных меньшинств, как правило, происходило за счёт вытеснения из неё других меньшинств: в Грузии — армян, абхазов, осетин; в Азербайджане — грузин, армян, лезгин; в Украине — русин; в Узбекистане — таджиков и т.д. Однако всё это лишь в малой степени повлияло на торможение, а затем и свёртывание политики «коренизации». Главной причиной её провальной стало растущее разочарование (уже к началу 1930-х гг.) партийного руководства в политике поддержки «угнетённых народов» при столкновении этой кампании с другими, более значимыми для большевиков кампаниями коллективизации и раскулачивания. Назову лишь несколько факторов, обусловивших перемену политических настроений.

Во-первых, в ходе начавшейся в 1928 г. коллективизации, повлекшей за собой и раскулачивание, выяснилось, что некоторые «угнетённые нации» оказались более экономически обеспеченными, чем великорусские крестьяне. Уже по этой причине во многих регионах доля так называемых кулаков среди представителей национальных меньшинств была зачастую значительно выше, чем у этнического большинства. Так, в Ленинградской области в первой группе крестьян, репрессированных в 1930–1931 гг. как кулаков, более половины составили ингерманландцы (ингерманландские финны), хотя доля этой этнической группы в составе населения области была менее 2% [Мусаев, 2004. С 222].

Во-вторых, именно в национальных регионах сильнее всего проявилось сопротивление населения коллективизации и раскулачиванию. Это обстоятельство в наибольшей мере повлияло на полное свёртывание «коренизации» к 1939 г. и уже в 1937–1938 гг. начались репрессии против многих партийных функционеров, проводивших эту политику в союзных республиках [Борисенко, 2006].

В конце 1930-х годов вектор национальной политики начал круто меняться: от создания преимущественных условий для представителей национальных меньшинств до их массового выселения в ходе политических депортаций. В это время тотальной депортации были подвергнуты не менее десяти народов СССР: балкарцы, ингуши, калмыки, карачаевцы, корейцы, крымские татары, немцы, ингерманландцы, финны, чеченцы. При этом семь народов (немцы, карачаевцы, калмыки, ингуши, чеченцы, балкарцы и крымские татары) лишились тогда и своих национальных автономий [*Депортации...*, 2005]. В той или иной мере депортациям в СССР подверглось ещё множество этнических групп — поляки, азербайджанцы, курды, иранцы и др.

В конце 1930-х — начале 1940-х гг. проявились перемены в позиции Советской власти и по отношению к «великорусскому шовинизму». Это явление не только перестало рассматриваться в качестве главной проблемы национальной политики, но и вовсе исчезло из советского политического дискурса. В это время словосочетание «великая Россия» или «великая Русь» приобрело исключительно позитивное значение как фактор сплочения всех остальных народов. Появляются новые политические метафоры: «СССР — семья народов»; «Россия — старшая сестра»; «русский народ — старший брат», «русские — народ-организатор» и др.

Эволюция зарубежной языковой политики: от запрета языков меньшинств к позитивной дискриминации

В 1920–1930-е гг. в большинстве стран мира господствовала этноязыковая политика, являвшаяся полной противоположностью советской «коренизации». Это была политика либо прямых запретов на использование тех или иных языков меньшинств, либо политика косвенных форм их ассимиляции.

В Испании с конца 1930-х гг. и на протяжении всего первого десятилетия правления каудильо Ф.Франко любые языки, отличавшиеся от испанского (кастильского), были запрещены для использования в публичном пространстве и «ограничены исключительно частным пространством» [*Shabad, Gunther, 1982*]. Речь шла в том числе об ограничениях для баскского и каталонского языков, имевших свои многовековые литературные традиции. В Японии в 1937 г. был запрещён для преподавания и публичного использования язык народа айна — древнейшей этнической общности на японских островах. Запрет публичной трансляции языка айнов, при отсутствии у этого языка письменной основы, привёл его к быстрой деградации и почти полному забвению. По экспертным оценкам 1960-х гг. из 30 тыс. чел., идентифицирующих себя как айны, лишь несколько десятков людей пожилого возраста, обладали тем или иным уровнем знания айнского языка [*Gayman, 2011*]. Те или иные запреты на использование языков коренных народов в Испании сохранялись до середины 1970-х, а в Японии — до 1990-х гг.

Американская аннексия Гавайских островов сопровождалась тотальным запретом гавайского языка (1893). Он стал быстро чахнуть, хотя ранее это был развитый язык, использовавшийся на всех уровнях образования, в юриспруденции и в художественной литературе. В 1993 г. Конгресс США принял специальную резолюцию с извинениями перед коренными гавайцами за свержение их королевства и связанные с этим ограничением прав коренного народа [*Siler, 2012*].

В колониях Великобритании действовали неодинаковые нормы в отношении языков коренных народов. Так, колониальные власти Новой Зеландии приняли в 1867 г. Закон о школах для коренных народов (The Native Schools Act), который предусматривал обучение детей маори исключительно на английском языке и отражал господствующую в Британской империи политику ассимиляции коренных народов [*Barrington, 2008*].

Языковая ситуация в Новой Зеландии стала радикально меняться лишь в середине 1970-х гг. В это же время начались перемены и на Британских островах, где существовали ограничения на использования языков кельтской семьи (ирландского, шотландского и уэльского/валлийского), не имевших легального статуса до начала XX в, а затем долгое время отсутствовали какие-либо формы их защиты от сильнейшего ассимиляционного воздействия английского языка [Davies, 2014].

Итак, лишь в 1970–1990-е гг. обозначились серьёзные перемены в этно-языковой политике США, Японии, Великобритании, Новой Зеландии и ряда других государств. Перемены были не одинаковы в разных государствах, а причины их появления разнообразны.

В Испании изменения в языковой политике стали следствием смены политического режима после смерти Франко в 1975 г. Мирная смена власти позволила сравнительно быстро разработать и принять (в декабре 1978 г.) новую Конституцию, закрепившую статус кастильского (испанского) языка как официального на всей территории страны, но одновременно признавшую официальными на территории испанских автономий языки их титульных национальностей. Первыми такой статус получили баскский и каталонский языки. С тех пор в Каталонии сохраняется, несмотря на периодически вспыхивающие серьёзные политические столкновения с центральным правительством королевства, испано-каталонское двуязычие, при котором испанский и каталонский языки понимаются в равной мере и используются почти в равной мере. Так, по состоянию на 2011 г. в Каталонии испанский язык понимали 99% и могли говорить на нём 96% населения, а каталонский язык понимали около 96% и могли говорить на нём 75% населения. Причём в этой автономии численно преобладают испанцы (кастильцы) [Алос-и-Фонт, 2017].

Испано-каталонское двуязычие в Каталонии, как и англо-французское в канадском Квебеке или финно-шведское в отдельных районах Финляндии, — случаи примерно равного освоения разных языков на одной территории. Они относятся к весьма редким явлениям в языковой ситуации глобального мира. Чаще языки коренных народов и/или этнических меньшинств не могут конкурировать с государственным языком страны, поэтому для их сохранения недостаточно обеспечение равных прав и нужны дополнительные средства защиты культуры меньшинств. В экстраординарных ситуациях, сложившихся с гавайским языком в США, языком маори в Новой Зеландии или с уэльским в Великобритании, возникает потребность не только в сохранении, но и в возрождении языков. А в случае с языком айнов в Японии была необходима ревитализация практически «мёртвого» языка с помощью сильнодействующих средств «позитивного выравнивания».

Во всех упомянутых случаях (Великобритании, Новой Зеландии, США и Японии) поворотным пунктом в возрождении рассматриваемых языков стало принятие правовых норм, обеспечивавших особый статус языка на территории некой автономии, либо на всей территории страны (как в случае с языком маори). Поправки к конституции штата Гавайи (1978) положили начало возрождению гавайского языка, обеспечив ему статус официального языка штата, наряду с английским, хотя основные перемены в этой сфере проявились позднее — в 1990-е гг.² [Saving ..., 2012]. В Новой Зеландии «Закон о языке маори» (1987) признал этот язык в качестве официального, наряду с английским, в этой стране [Maori..., 2018].

В Уэльсе с 1960-х гг. стали расширяться права этой автономии, после чего местное правительство начало принимать меры по развитию валлийского языка, но в наиболее

² Лишь в конце 1990-х гг. после публичного признания Конгрессом США вины за колониальные авантюры столетней давности, федеральное правительство выделило ассигнования на возрождение гавайского языка и культуры этого народа. После этого правительство штата приняло ряд мер по обеспечению возможности изучения этого языка на всех уровнях образования, начиная со школ и заканчивая университетом Гонолулу [Saving..., 2012].

последовательной форме они проявились лишь в 1990-е гг. Два закона — Уэльский языковой акт (1993) и Уэльский правительственный акт (1998) — закрепили равенство валлийского и английского языков в качестве официальных в этой автономии. Законы обязали местное правительство и законодательные органы автономии разработать и реализовать Программу валлийского языка. С тех пор все официальные материалы распространяются на двух языках. Более того, даже письма из школы родителям и библиотечная информация должны использовать как английский, так и валлийский язык [Davies, 2014. Pp. 69–114]. Но языковая политика Уэльса не остановилась на закреплении равенства языков и включает в себя элементы «позитивного выравнивания» не только в сфере выделения дополнительных материальных ресурсов для валлийского языка. Например, эта политика предусматривает обязательное преподавание валлийского языка для всех учеников школ Уэльса в возрасте до 16 лет, вне зависимости от их этнической принадлежности. Кроме того, в Уэльсе есть школы, где всё обучение ведётся на валлийском языке, но запись в них сугубо добровольна [de Barra, 2022].

«Закон о культуре айнов» (1997 г.), впервые признавший этот народ коренной этнической группой Японии и закрепивший особый статус его языка на острове Хокайдо, положил начало формированию государственных и частных программ возрождения языка айнов [Gayman, 2011]. Эти программы ближе других к советской политике «коренизации», поскольку они также начинались с создания алфавита и письменности коренного малочисленного народа. К началу 2000-х гг. основные грамматические ресурсы языка айнов были созданы, и усилия государства и общественных организаций расширились, включив в себя создание системы айнского образования. Община айнов на Хокайдо стала играть ведущую роль в усилиях Японии по возрождению айнского языка. На острове все общеобразовательные школы включили уроки языка айнов для желающих. Опрос, проведённый здесь в 2017 г., указал на переход от почти полного забвения языка народа айна ещё в конце 1990-х гг. к различным формам его освоения почти половиной опрошенных, идентифицирующих себя с народом айны [Hokkaido Ainu..., 2017].

Ещё большие успехи в возрождении языка отмечены в других упомянутых государствах и регионах. В 1997 г. на гавайском языке говорило около 2 тыс. чел., а за 10 лет эта численность выросла более, чем в 10 раз. Уже по переписи населения 2010 г. 24 тыс. жителей штата назвали его своим основным языком [Saving..., 2012]. Развивавшееся в ходе возрождения языка маори этническое самосознание этого народа привело к изменениям демографических тенденций — начался рост численности народа маори и его доли в составе населения Новой Зеландии. В 2013 г. маори составляли 3,7% населения страны, а в 2018 г. 15% и стали второй по численности национальной группой страны [Maori..., 2018].

Валлийский язык подвергся меньшей деградации, чем вышеупомянутые языки. К концу прошлого века он оставался живым и разговорным языком более чем полумиллиона коренных жителей Уэльса. Политика «позитивного выравнивания» способствовала остановке сокращения доли использующих этот язык в повседневной жизни. С 1911 по 1991 гг. доля владеющих этим языком упала более чем вдвое (с 43 до 18,5%), а в 2004 г. она выросла до 21,7%. Правда, за следующие 20 лет эта доля снова стала медленно снижаться (20,8% в 2011 г., 20,0 в 2021 г. и 17,8% в 2023 г.). Однако при этом абсолютная численность владеющих валлийским за те же годы выросла: с 503,5 до 538,3 тыс. человек [Welsh language..., 2024]. Снижение удельного веса носителей этого языка произошло на фоне огромного притока переселенцев из других районов Великобритании, составивших к 2023 г. свыше 25% населения Уэльса.

Во всех упомянутых государствах процесс перехода от политики ассимиляции языков коренных народов к политике их возрождения занял около полувека, тогда как аналогичный процесс в СССР совершился революционно в течении двух-трёх лет.

О двух формах внедрения политики позитивного выравнивания: «сверху» и «снизу»

Политика «коренизации» была создана лидерами большевиков и внедрялась в жизнь «сверху» как политический проект, не зависящий от отношения к нему населения (как внедрялись тогда и другие проекты — коллективизации, раскулачивания, индустриализации). В странах же, ставших в 1990-е гг. образцами режима либеральной демократии, политика позитивного выравнивания в языковой сфере медленно прорастала «снизу», становясь частью государственной политики постепенно, под давлением общества. Вот несколько важных факторов, обусловивших переход упомянутых государств Северной Америки, Западной Европы, Новой Зеландии и Японии от политики ассимиляции к политике поддержки культурного разнообразия. Перечислю их в произвольном порядке, не ранжируя по значимости и не претендуя на исчерпывающий анализ эволюции языковой политики

Взросший интерес. Спрос на культурную самобытность. Процесс унификации культуры, сопровождающий глобализацию, породил и мощную ответную волну подъёма интереса людей к возрождению своей культурной идентичности, своих культурных традиций [Паин, 2010]. В Новой Зеландии начала 1980-х гг., ещё до юридического закрепления статуса языка маори, возникло общественное движение Kohanga Reo за его возрождение. Именно оно активнее всего выступало за принятие закона о языке маори. В рамках этого движения родилась и сравнительно быстро стала внедряться новейшая методология возрождения языка («language nest» — «языковое гнездо») — освоение забытого языка методом погружения детей дошкольного и раннего школьного возраста в среду носителей языка коренного народа. Такое же общественное движение за возрождение гавайского языка возникло в 1985 г. в штате Гавайи. Оно во многом воспользовалось языковой технологией, изобретённой в Новой Зеландии и получившей на Гавайях название Pūnana Leo (по-гавайски «языковое гнездо»). С конца 1990-х гг. община айнов на Хокайдо стала играть ведущую роль в усилиях Японии по возрождению айнского языка.

Впоследствии не только представители ранее колонизированных народов вовлеклись в движения за возрождение своей культурной идентичности. Немецкий политолог К. Зегберс, характеризуя ситуацию в ЕС 2010-х гг., отмечал: «Во множестве стран люди активно начинают задумываться о том, что они именуют “политиками идентичности” — те видятся им более важными, чем экономическая политика. Политика идентичности — это то, что я чувствую себя обделённым, я чувствую себя маргинализированным, я чувствую себя утратившим политический голос, я чувствую себя разорённым. И единственный способ с этим справиться — чувство культурной идентичности» [Зегберс, 2019].

Подъём движений этнических и расовых меньшинств за свои гражданские права. Во многом он стал реакцией на потрясения конца 1950-1960-х гг., вызванные движением за гражданские права чернокожих в США. Так или иначе, но спустя несколько лет (а иногда и десятилетий) аналогичные, хотя и не столь массовые и менее радикальные движения охватили множество групп этнических меньшинств. Даже крайне малочисленное движение айнов в Японии в 1980-е гг. обратило на себя внимание японского общества громкими требованиями равных гражданских прав и возрождения своей национальной культуры. Ещё более заметными были движения гавайцев в США и маори в Новой Зеландии. О схожих процессах в Уэльсе написал К. де Барра. Он отмечал, что «ключевой поворот в общественном сознании произошёл в 1962 г., когда известный валлийский писатель и националист Сандерс Льюис произнёс знаменитую речь на радио на родном языке, в которой сказал: “Если вы посмотрите на данные переписи, то увидите, что валлийский умирает, его не будет к 2000 году, если мы что-то не сделаем!” <...> После этого языковое движение стало активным и в некоторых случаях даже воинственным» [де Барра, 2022].

Декolonизация сознания этнического большинства. Движения за гражданские права меньшинств не смогли бы обеспечить принятие общенациональных законов, предполагающие элементы позитивной дискриминации меньшинств и отчасти ущемляющие интересы этнического большинства, если бы подобные законопроекты не опирались на поддержку общественного мнения жителей. Эти перемены были связаны с тремя этапами деколонизации (позволю себе такую спекулятивную идею). В 1950-е гг. начался первый этап — бывшие колонии обретали государственную независимость. Спустя одно-два десятилетия (1960–1970 гг.) жители стран-колонизаторов смирились со случившимся (назовём это вторым этапом). И, наконец, спустя ещё два-три десятилетия жители бывших имперских метрополий стали массово признавать колониализм и насильственную ассимиляцию колонизированных народов как зло, пагубное для внутренней жизни самих стран — бывших метрополий. Эти перемены привели к юридическому признанию правительствами ряда государств (например, США и Японии) ошибочности и преступности своей прошлой колониальной политики. Параллельно в мире укреплялась поддержка концепции культурного многообразия. К началу XXI в. она стала вытеснять господствующую веками идею культурного однообразия, культурного доминирования и связанную с ней ассимиляционную политику. В ноябре 2001 г. ЮНЕСКО приняло первую декларацию о культурном разнообразии как целевую стратегию мирового сообщества.

Эволюция концепции гражданских прав и изменение сущности либерализма. Для того чтобы принцип «позитивного выравнивания» утвердился в странах с либерально-демократическим режимом, должен был измениться сам либерализм — он должен был полеветь. Принцип affirmative action имеет несомненно социалистическое происхождение, он направлен на защиту коллективных прав, тогда как классический либерализм отдавал приоритет индивидуальным правам, индивидуальной инициативе и частному интересу в сравнении с ценностями социальной справедливости. Разумеется, я не имею возможности и не буду в этой статье говорить о всём многообразии факторов, обусловивших появление социального либерализма ещё в XIX в., а отмечу лишь два частных примера этого процесса, проявившихся в 1980–1990 гг. Первый связан с деятельностью канадского исследователя В. Кимлика, внёсшего значительный вклад в интеграцию концепции культурного разнообразия и защиты прав меньшинств в ядро идей современного социального либерализма [Kymlicka, 1989–1990]. Второй аспект напоминает о вкладе чешско-французского юриста К. Васака в современное представление о либерализме и его подхода к правам человека. В 1979 г. он предложил новую классификацию прав человека, разделив их на три поколения. Для нас особый интерес представляет последнее, третье, поколение прав. Они выходят за рамки простых гражданских и социальных прав отдельного человека: это коллективные права, относимые к таким социальным субъектам, как сообщество, нация, этническая группа, меньшинства и др. [Domaradzki, Khvostova, Pupovac, 2019]. Концепция третьего поколения прав стала нормативной для международных правозащитных организаций в 1990-е гг. На её основе была разработана «Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств» (1992), а затем «Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств» — конвенция Совета Европы (СЕ), подписанная 1 февраля 1995 г.

Политика позитивного выравнивания сыграла немалую роль в изменении мировой культурной нормы — в переходе от ассимиляции к поддержке культурного разнообразия. За 40–50 лет принцип affirmative action доказал возможность стать проявлением свободного выбора граждан, по крайней мере, в ряде государств мира.

Эволюции этноязыковой политики постсоветской России

Существует множество подтверждений тому, что этническая и этноязыковая политики Российской Федерации в 1990-е гг. развивались в направлении, близком тому, который тогда наблюдался в государствах с либерально-демократическим режимом. Первым в сфере национальной политики новой России был принят закон «О реабилитации репрессированных народов»³. Во многом по своей идейной направленности он аналогичен законодательным или политическим актам, принятым в США и в Японии⁴. Во всех случаях в этих документах признаётся несправедливость прошлой политики своих государств по отношению к народам, подвергшимся (в той или иной форме) репрессиям. Все эти акты отражали процесс деколонизации сознания бывших имперских обществ, проявившийся во многих странах мира. В октябре 1991 г. в России был принят закон «О языках народов Российской Федерации»⁵. Закон соответствовал мировым стандартам того времени и с определёнными поправками действует до сих пор. Он гарантирует равноправие языков народов Российской Федерации, которое «охраняется законом» (Статья 2, п. 4), но вместе с тем в нём содержатся и признаки «позитивной дискриминации». Так, он предоставляет только республикам право устанавливать свои государственные языки (Статья 3, п. 2), хотя по Конституции все типы субъектов РФ (республики, края, области, города федерального значения, автономные округа и автономные области) имеют равные права. Принятая двумя годами позднее (1993) Конституция Российской Федерации подтвердила и закрепила права республик на установление своих государственных языков. Это право сохраняется и в новом тексте Конституции (2020). Статья 68 закрепила такой статус за 37 языками в республиках страны⁶.

Конституция отразила приверженность России к культурному разнообразию и к гарантиям прав этнических меньшинств на использование родных языков в общественной жизни. Ориентация федеральной власти на поддержку культурного и языкового многообразия выражена и в других государственных документах 2000-х гг. В Стратегии государственной национальной политики до 2025 г. (в редакции от 06.12.2018) отмечается, что «Этнокультурное и языковое многообразие Российской Федерации защищено государством. В Российской Федерации используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используется 105 языков, из них 24 — в качестве языка обучения, 81 — в качестве учебного предмета⁷. Наша страна была одним из инициаторов упомянутой выше резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о «Международном десятилетии языков коренных народов мира (2022–2032)»⁸.

Можно привести и другие примеры официальной поддержки федеральной властью идеи сохранения культурного и языкового многообразия России в 2000-е гг. Вместе с тем как в массовом сознании россиян, так и во мнении многих экспертов преобладает

³ Закон РСФСР от 26.04.1991 № 1107-1 (ред. от 01.07.1993) «О реабилитации репрессированных народов». ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10200365> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ Российский закон был принят на два года раньше, чем упоминавшееся выше заявление Конгресса США с извинениями перед гавайцами за имперскую авантюру 1893 г.

⁵ Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10148970> (дата обращения: 20.05.2024).

⁶ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Консультант. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 20.05.2024).

⁷ Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 (ред. от 15.01.2024) «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/70284810/> (дата обращения: 29.05.2024).

⁸ Глава ФАДН ещё 23 апреля 2019 г. предложил в ООН объявить десятилетие языков коренных народов. Национальный акцент. URL: <https://nazaccent.ru/content/29731-glava-fadn-predlozil-v-oon-obyavit.html>, (дата обращения: 10.04.2023).

представление, что ценность сохранения культурного разнообразия была характерна для политики 1990-х гг., а затем стала угасать. Например, этносоциолог Л.Р. Низамова полагает, что этническую и языковую политику России 1990-х гг. можно назвать мультикультурализмом, поскольку этот термин позволял «обозначить особого рода либеральную идеологию и политику социального включения и признания прав меньшинств и дискриминируемых групп», а после 2010 г., по её мнению, произошёл некий идейный поворот. Упоминание поворота вынесено в название статьи Низамовой, но в её тексте не разъясняется, в чём суть поворота. Можно лишь догадаться о его связи с представлением об изменении акцентов российской этнической и языковой политики — от проекта позитивного выравнивания в отношении меньшинств к большему упору на развитие идеи В.В. Путина, упомянутой в статье, о «русском культурном ядре» [Низамова, 2017. С.155].

Я не в полной мере солидаризируюсь с выводами Низамовой; по крайней мере, иначе оцениваю этническую и языковую политику России 1990-х гг. На мой взгляд, политика мультикультурализма в Российской Федерации не проводилась ни в 1990-е, ни в последующие годы.

Основное содержание политики (или проекта) мультикультурализма направлено прежде всего на интеграцию культурных меньшинств, будь то иммигранты или местные национальные меньшинства, в полиэтничное сообщество некоего государства. Такая задача в 1990-е гг. не была приоритетной для России. Основной её этнополитической проблемой в то время было укрепление целостности государства в условиях «парада суверенитетов» российских республик. В целях снижения угрозы сепаратизма, исходившей от некоторых республик, федеральная власть предоставила республиканским политическим элитам (а вовсе не меньшинствам) различные преференции в сфере социально-экономических и федеративных отношений. Такая политика не соответствует понятию «мультикультурализм». Сам этот термин был в то время новым, непривычным и по большей части неприемлемым для политиков, особенно для лидеров республик. Сошлюсь на свой опыт советника Президента РФ по национальной политике (1996–1999). В процессе разработки и обсуждения различных вариантов Концепции государственной национальной политики (1996) звучали предложения включить в этот документ идеи или, по крайней мере, упоминание мультикультурализма, но этого не произошло. Этот термин не появился ни в одном из документов российской национальной политики. Причин тому множество, об одной из них писал В.А. Тишков (в 1992 г. министр по делам национальностей). Он показал, что в 1990-е гг. эта концепция трудно приживалась в большинстве стран мира, а на постсоветском пространстве вызывала «реакцию отторжения» [Тишков, 2003. С 24].

Мультикультурализм в качестве часто употребляемого термина пришёл в российский публичный дискурс лишь в 2000-е гг., причём время восприятия этой идеи как интеллектуально respectable оказалось в России очень коротким. Уже в 2011 г. российские политики заговорили о неприемлемости мультикультурализма для нашей страны [Зорькин, 2011]. Произошло это после публичного осуждения мультикультурализма лидерами Германии, Франции и Великобритании (2010) как политики, которая привела Европу к миграционному кризису. При такой «рекламе» этот концепт не мог прижиться в России в 2000-е гг., поскольку к тому времени он был уже перегружен негативными коннотациями. Правда, в 2011 г., неожиданно для многих Президент России Д.А. Медведев публично выразил своё несогласие с заявлениями некоторых европейских лидеров о «крахе мультикультурализма» и выступил в его защиту, понимаемого им как проявление исторического культурного многообразия России, её «мультикультуры» [Медведев, 2011]. Впрочем, этот всплеск невольной политической поддержки спорной политической модели оказался весьма непродолжительным. Уже спустя несколько месяцев, в январе 2012 г., В.В. Путин дал иную оценку мультикультурализму.

Статья В.В. Путина «Россия: национальный вопрос» (23 января 2012) была программным заявлением по национальной политике кандидата в Президенты РФ. В ней «мультикультурный проект» оценивается сугубо негативно: во-первых, как «провал»; во-вторых, как неприемлемая для России модель национальной политики, строившаяся «исключительно на основе этнической идентичности». По мнению Путина, «в России — исторически сложилась другая ситуация, уникальная в своем роде: на территории страны издревле взаимодействовали и развивались сотни народов и общностей, каждая из которых имела свои национальные традиции...» [Путин, 2012].

В этой статье В.В. Путин подчёркивал культурную уникальность России «как само-бытной полиэтнической цивилизации, которая скреплена русским культурным ядром и следует по особому пути развития...» [Путин, 2012]. С тех пор идеи об уникальности России и её русской культурной основы стали доминирующими при формировании стратегий национальной и языковой политики. Показательно в этом отношении сравнение двух документов: «Концепции государственной национальной политики РФ» (Концепция) и «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» (Стратегия).

Концепция 1996 г. была первым комплексным документом национальной политики Российской Федерации⁹. Её авторы опирались на общемировую методологию nation building и концепции федерализма. В Стратегии (особенно в последних её версиях 2018 и 2024 гг.) не только подчёркивается уникальность России, но и используется цивилизационный подход, если и не уникальный, то во всяком случае весьма редко применяемый в мировой методологии стратегического планирования. В соответствии таким подходом в Стратегии даётся следующее определение: «Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации...»¹⁰. В Концепции 1996 г. отмечалась «объединяющая роль русского народа», но при этом подчёркивалось, что «преобладающее большинство народов страны сыграли историческую роль в формировании российской государственности». Эта мысль совпадает с основной политической формулой российской Конституции: весь многонациональный народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации» и, следовательно, весь многонациональный народ страны — государствообразующий. В Стратегии же (в редакции 2018 и 2024 гг.) выделяется особое положение русского народа, который определяется в качестве «системообразующего звена», а о политической субъектной и иной роли других народов в образовании российского государства не упоминается. Особая роль русского народа подчёркивается и в других документах 2020-х гг. В новом тексте Конституции России в редакции 2020 г. появляется определение «русский язык как язык государствообразующего народа» (статья 68), а в мае 2024 г. в официальный политический дискурс России вводится понятие «государствообразующего русского народа»¹¹.

Важные перемены в российском подходе к этнической и языковой политике в сравнении с 1990-ми гг. обозначились и на стадии реализации Стратегии. 20 июля 2017 г. в Йошкар-Оле состоялось заседание президентского Совета по межнациональным отноше-

⁹ Указ Президента РФ от 15.06.1996 № 909 «Об утверждении Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (утратил силу). URL: <https://base.garant.ru/1548081/> (дата обращения: 29.05.2024).

¹⁰ Указ Президента России от 08 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564> (дата обращения; 29.05.2024).

¹¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» от 8 мая 2024 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080001?index=5> (дата обращения: 4.06.2024).

ниям, на котором Президент России заявил, что заставлять «человека учить язык, который для него родным не является, так же недопустимо, как и снижать уровень и время преподавания русского. Обращаю на это особое внимание глав регионов Российской Федерации»¹². В 2018 г. Госдума приняла Закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”». Эти поправки фактически предусматривают отмену обязательного изучения государственных языков республик РФ и их преподавание исключительно на добровольной основе, с учётом потребностей школьников и их родителей¹³. На мой взгляд, необязательность изучения языков титульных национальностей фактически лишает их статуса государственных, поскольку трудно представить государственный язык, не обязательный для изучения, а следовательно, и для его знания.

Новые веяния, предусматривавшие изменения в формате преподавания национальных языков, возникли не спонтанно, они были обусловлены многочисленными жалобами русских семей в республиках РФ, требовавших отменить обязательное изучение неродного языка. Эти жалобы были услышаны представителями законодательной и исполнительной власти России. Первый зампред комитета по образованию и науке Госдумы О. Смолин заявил: «Принудительное изучение русскими и другими нетитульными народами национальных языков — это слишком большая плата за то, чтобы представители титульной национальности изучали свой язык»¹⁴. Не буду дискутировать со Смолиным, отмечу лишь, что и русский язык для многих народов России является не родным и зачастую трудным для изучения, особенно в сельских школах (например, в тувинской глубинке или в горных аварских селениях). Однако трудности освоения русского языка не ставят под сомнение обязательности изучения как не родного, но государственного языка страны.

Во вводной части действующего Федерального закона о языках сказано, что «Государство на всей территории Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия»¹⁵. Однако пока многоязычие и двуязычие, о котором говорится в федеральном законе, характерно в России только для этнических меньшинств, при этом у русских жителей республик Российской Федерации стремление к освоению языков титульных национальностей не просматривается. Это показывают исследования социальных лингвистов по итогам Переписи населения 2020 г. Авторы исследования отмечают «Больше всего русских знают национальный язык в Чечне — 6,7%, в Осетии — 4,25%, в Чувашии — 3,9% и в Татарстане — 3,6%. В восьми республиках языком титульной нации владеет менее 1% русского населения: минимум Бурятия (0,41%), следом идёт Карелия (0,35%) и рекордно низкий уровень знания русскими государственного языка республики в Хакасии — 0,11%»¹⁶.

Почему доля, владеющих чеченским языком среди русских в Чеченской республике на порядок больше аналогичной доли владеющих языком титульной национальности среди русских жителей Хакасии? Вряд ли это можно объяснить меньшей сложностью для русских людей освоить язык вайнахской группы, чем хакасский, представляющий весьма распространённые в России тюркские языки. Ответ на это вопрос понятен: русские в Чечне — этническое меньшинство и жизненные обстоятельства подвигают их к осознанию того

¹² Заседание Совета по межнациональным отношениям 20 июля 2017. Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55109> (дата обращения: 18.05.2024).

¹³ Федеральный закон от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации”» ГАРАНТ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408131681/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹⁴ Обязательное изучение госязыков республик отменено (2017) // Независимая газета. 28 декабря 2017 // https://www.ng.ru/politics/2017-12-28/3_7146_learning.html (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁵ Закон РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/10148970> (дата обращения: 20.05.2024).

¹⁶ Свои и свои: на каких языках (не) говорит Россия. 18 октября 2022. Изборник. URL: https://www.izbornik.ru/special_project/about_sociolinguistics/na_kakih_jazykah_ne_govorit_rossija (дата обращения: 18.06.2023).

факта, что освоение языка этнического большинства — не такая уж непомерная плата за необходимость жизни в Чеченской республике, а в Хакасии — русские абсолютное большинство, и ничто не подталкивает их к изучению хакасского языка. Но и хакасы, в свою очередь, особенно молодые, проявляют все меньший интерес к изучению своего языка, по мере того как уменьшается их численность в родной республике и сужается сфера использования этого языка даже в местах их компактного расселения и численного преобладания.

Ещё в 1970-е гг. в Хакасии обучение во всех школах велось на родном языке. К началу 1990-х гг. в республике осталось 14 школ, в которых хакасский язык был средством обучения различным предметам, а к 2010-м гг. хакасский из языка обучения превратился в предмет изучения, при этом не обязательный, а по выбору родителей [Боргояков, Боргоякова, 2016]. С каждым годом этот выбор становится все более редким. Хакасы являются меньшинством в одноимённой республике, составляя 12,1% её населения, и уже три десятилетия подряд переписи фиксируют устойчивое сокращение численности этой этнической общности. Одновременно снижается и численность владеющих хакасским языком, следуя инерции этно-демографических процессов и, в свою очередь, усиливая их¹⁷. Такая взаимосвязь лингвистической и демографической динамик, весьма характерна для процесса культурной ассимиляции народа. Ассимиляционные тенденции в Хакасии подтверждаются и социологическими исследованиями, указывающими на устойчивую тенденцию нарушения передачи языковых компетенций между поколениями. Уже к 2014 г. менее половины (47,2%) хакасских респондентов в возрасте до 20 лет в какой-либо мере понимали хакасский язык, не говоря уже об умении говорить на нём, хотя уровень владения хакасским языком их родителей был весьма высок — у респондентов в возрасте свыше 40 лет он превысил 90% [Гусейнова, 2014]. Со временем уровень владения родным языком среди хакасской молодёжи ещё более снизился, и большинство хакасской молодёжи перестали использовать родной язык даже при общении в своих семьях [Боргоякова, Гусейнова, 2017].

В соответствии с классификацией ЮНЕСКО хакасский язык оценивается как находящийся «под угрозой исчезновения» (*definitely endangered*). К этой же категории, по уровню угроз, относились к началу 1990-х гг. языки маори, ирландский и валлийский, а язык народа айны находился «на грани исчезновения», однако все эти языки удалось возродить, в той или иной мере. Опыт возрождения всех перечисленных языков показывает, что возможность перелома инерции затухания языков была связана с использованием политики позитивного выравнивания (*affirmative action*). Маловероятно, что такая политика будет использована для возрождения хакасского языка и ещё менее вероятно, что эта идея может быть одобрена большинством населения Хакасии.

Цели поддержки языкового многообразия заявлены в важнейших государственных документах РФ и ясно сформулированы в политических выступлениях российских лидеров. Цели поставлены, но пока они не достигнуты, и угрозы существованию языков многих народов России сохраняются. Судя по материалам Атласа угроз языкам коренных народов ЮНЕСКО на 2023 г., лишь 8% языков народов России относятся к категории «безопасный — не находящийся под угрозой исчезновения», ещё 43% языков эксперты относят к категории «уязвимый» и почти для половины языков народов России (49%) характерны разные уровни «угроз исчезновения» [Атлас языков..., 2010 (в ред. 2023)]. Всё это дало основание некоторым авторитетным экспертам для характеристики современной языковой политики Российской Федерации как двойственной, по-разному проявляющейся в двух своих измерениях: «De jure конструируется политика языкового единства в разнообразии — многоязычие в приоритете, наделение языковых общностей правами на использование языков во всех сферах жизнедеятельности при ведущей роли

¹⁷ Всероссийская перепись населения. 2020. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 03.05.2024).

общегосударственного русского языка. De facto имеет место политика языковой централизации — создание моноязычного пространства <...> формирование языковой иерархии, что ведёт к языковой монополии, доминированию русского языка во всех сферах функционирования» [Биткеева, Вингендер, 2020. С.46].

Заключение

Итак, мы проанализировали два типа моделей позитивного выравнивания в языковой политике. Советская политика «коренизации» была сконструирована властью и ею же отменена. Однако в период её действия (1920–1930-е гг.) эту политику можно определить как несравнимо более благоприятную для меньшинств и коренных малочисленных народов, чем политику в этой же сфере других государств. В большинстве из них в 1920–1930-е гг. господствовала политика насильственной ассимиляции меньшинств, запретов и ограничений на функционирование их этнических языков. Ситуация изменилась в 1990-е гг., когда в развитых государствах с демократическими режимами парадигма ассимиляции меньшинств постепенно была вытеснена парадигмой поддержания культурного разнообразия. В таких условиях появился и новый тип позитивного выравнивания в языковой сфере, опирающийся не только на государственный протекционизм по отношению к меньшинствам, но также и на инициативу «снизу». Такая модель affirmative action продвигается усилиями общественных групп, добивающихся реального равенства языковых и культурных возможностей представителей меньшинств и этнического большинства.

Законодательная норма о статусе государственного языка была введена в 1991 г. и формально сохраняется, однако реальные возможности применения государственного статуса языков титульных национальностей в 2010-е гг. снизились, прежде всего в сфере школьного образования. В 2018 г. были приняты правовые нормы, отменяющие обязательное изучение государственного языка республики. На практике эти изменения почти не повлияли на языковую ситуацию в тех республиках, где титульные национальности являются абсолютным большинством населения (например, в Чеченской и Ингушской республиках). Совершенно иная ситуация сложилась в республиках, в которых титульные народы составляют меньшинство населения (это все народы финно-угорской языковой семьи и многие народы тюркской языковой семьи) У них уже несколько десятилетий наблюдаются заметные ассимиляционные процессы в языковой сфере. И они усиливаются под воздействием правовых и политических действий, ослабляющих престиж этих языков в качестве государственных.

Я отметил различия форм появления моделей affirmative action policy в языковой политике разных государств и разных регионов внутри них. Вместе с тем можно увидеть и некоторые общие свойства этой модели, начиная с советского эксперимента «коренизации» и заканчивая современными проявлениями позитивного выравнивания. Назову некоторые из таких универсальных черт.

1. В СССР и в других государствах стартом политики позитивного выравнивания, выступало принятие политических деклараций о целях государственного протекционизма и защиты прав и интересов различных групп меньшинств в социально-экономических и в культурных сферах, а также введение государством соответствующих правовых норм.

2. Во всех известных случаях в целях устранения фактического неравенства в языковой сфере государство гарантировало меньшинствам и малочисленным коренным народам право на сохранение, изучение и развитие родного языка. Это право обычно сопровождалось созданием для представителей меньшинств и коренных малочисленных народов преимущественных условий для получения образования на национальном языке или, по крайней мере, обеспечением возможности изучения самого национального языка.

3. Советская политика «коренизации» включала и перевод делопроизводства на национальные языки. Позднее в СССР в делопроизводстве параллельно использовались русский и национальные языки союзных республик. Похожая практика использования двух и более языков в делопроизводстве широко применяется во многих государствах современного мира, где существуют территориальные автономии.

4. Политика «позитивного выравнивания в СССР сопровождалась созданием национально-территориальных автономий, начиная с уровня «национальных сельских советов» и вплоть до союзных республик. В других странах, проводивших политику affirmative action, в этих целях создавались либо территориальные, либо экстерриториальные культурные автономии для этнических общин.

5. Политика «коренизации» и все её современные аналоги позволили многим народам возродить родные языки. При этом наибольший успех в сохранении и развитии национальных языков проявился в тех случаях, когда государственный протекционизм в развитии культуры меньшинств опирался на широкую поддержку общественного мнения.

6. Политика affirmative action во многих государствах доказала свою эффективность с точки зрения развития культуры меньшинств и коренных малочисленных народов. Но уже советский опыт показал, а затем зарубежный опыт подтвердил, что такая политика имела и свои недостатки, особенно в сфере межэтнических отношений.

7. Наиболее конфликтогенными оказались мероприятия, предусматривавшие привилегии в получении работы и в карьерном росте для представителей ранее «угнетённых наций». Скоро выяснилось, что позитивная дискриминация превращается в обычную дискриминацию граждан по этническому признаку. При этом такой дискриминации подвергались не только представители «нации угнетателей», но и многие меньшинства, если они были не титульными, «неосновными» на данной этнической территории.

8. Заметные межэтнические проблемы возникали в связи с созданием этно-территориальных автономий. Даже национальные сельсоветы зачастую охватывали территории с этнически смешанным населением, поэтому однородные в социальном отношении группы имели неравные возможности в реализации своих законных интересов в ряде сфер труда и быта. Чем выше был территориальный уровень национальных автономий, тем большим мог быть масштаб такого неравенства. Эта же проблема в той или иной мере существует в территориальных автономиях с этнической спецификой и в ряде других стран мира (в Бельгии, в Нидерландах, Великобритании и др.)

9. Привилегии в сфере развития этнических языков не вызывали в Советском Союзе таких конфликтов, как раскулачивание, коллективизация и протекционизм в карьерном росте. Тем не менее и языковая политика порой вызывала недовольство как социальных, так и этнических групп, особенно в случае введения обязательного изучения национального языка. В СССР периода «коренизации» 1920–1930-х гг. изучение родного языка обязательным было только для представителей той или иной этнической группы. Но уже это принуждение могло вызывать недовольство у людей с неопределённой или множественной этнической идентификацией. Ещё более конфликтогенной являлась норма об обязательном изучении государственного языка республики для всех жителей этой территории. Такая норма в Российской Федерации действовала с 1991 по 2018 гг. для жителей республик, и примерно с 2010-х гг. она стала вызывать заметное сопротивление в русской среде, особенно в идеологически мотивированных сообществах. Нечто похожее проявляется и в некоторых других странах. Например, не все англичане, живущие в Уэльсе, одобряют необходимость обязательного изучения в школе валлийского языка¹⁸. Впрочем, это недо-

¹⁸ Изучают ли англичане валлийский язык? URL: <https://yandex.ru/q/language/11188937729> (дата обращения: 27.05.2024)

вольство не вызывает массового оттока англичан из Уэльса, напротив, наблюдается устойчивый их приток в этот регион.

10. Отмена обязательного изучения какого-либо этнического языка быстро и неизбежно приводит к его деградации, если численность этой этнической группы устойчиво сокращается. Так было в бывших союзных республиках после 1991 г., так происходит ныне в тех российских республиках, где титульные национальности составляют меньшинство населения. В то же время внедрение практики обязательного обучения какому-либо языку неоднократно приводило в мировой практике к перелому негативных лингвистических процессов и возрождению угасающих языков. При этом почти всегда недобровольность изучения языка порождала недовольство каких-то групп населения.

У меня нет готового ответа на вопрос, как общество должно относиться к этому противоречию.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Алос-и-Фонт Э. (2017). Языковая политика в Каталонии и националистический конфликт в Испании [Alos i Font E. (2017). Language policy in Catalonia and the nationalist conflict in Spain] // *Языковая политика, конфликты и согласие*. — М.:ИЭА РАН. С. 162–199.
- Алпатов В.М. (2013). Языковая политика в современном мире [Alpatov V.M. (2013). Language policy in the modern world] // *Научный диалог*. №5 (17). С. 8–28.
- Аршин К.В. (2023). Русские как «государствообразующий народ» или «государствообразующий народ» как русский (ответ на статью А. Ачкасова) [Arshin K.V. (2023). Russians as «state-forming people» or «state-forming people» as Russians (response to article by A. Achkasov)] // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. Т. 19. № 2. С. 333–348.
- Атлас языков мира (2010). [Atlas of the World's Languages 2010]. // UNESCO. URL: <https://en.wal.unesco.org/> (дата обращения 05.03.2023).
- Биткеева А., Вингендер М. (2020). Сценарии в языковой политике России: вопросы концепции и методологии [Bitkeeva A., Wingender M. (2020). Scenarios in Russian language policy: issues of concept and methodology] // *Языковое планирование и прогнозирование*. № 1. С. 34–48.
- Борисенок Е. (2006). Феномен советской украинизации, 1920–1930-е годы [Borisenok E. (2006). The phenomenon of Soviet Ukrainization, 1920–1930s]. — М.: Европа.
- Боргояков С.А., Боргоякова Т.Г. (2016). Языковая ситуация и проблемы обучения хакасскому языку в республике Хакасия [Borgoyakov S.A., Borgoyakova T.G. (2016). Language situation and problems of teaching the Khakass language in the Republic of Khakassia] // *Научное обозрение Саяно-Алтая*. № 3. С. 12–23.
- Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. (2017). Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири [Borgoyakova T.G., Guseynova A.V. (2017). Status and functioning of the Turkic languages of Southern Siberia]. — Абакан: ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова».
- Гусейнова А.В. (2014). Динамика языковой ситуации в Республике Хакасия [Guseynova A. V. (2014). Dynamics of the language situation in the Republic of Khakassia] Дис... канд. филол. наук. — Абакан: Изд. ХГУ им. Н.Ф. Катанова.
- де Барра К. (2022). «Чтобы возродить язык, нужно иметь политическую автономию» [de Barra C. (2022). «To revive a language, you need to have political autonomy»]. Деловая электронная газета «Бизнес Online». URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/538534>
- Депортации и этничность. Сталинские депортации. 1928–1953 (2005). / П.М. Полян (сост.). [Deportations and ethnicity. Stalin's deportations. 1928-1953 (2005) / P.M. Polyan (ed.)]. — М.: МФД, Материк.
- Зегберс К. (2019). Этика «базовых нужд» и современная Европа [Zegbers K. (2019). The ethics of “basic needs” and modern Europe] // [Электронный ресурс] Фонд Либеральная миссия. 06.05. (<http://www.liberal.ru/articles/7361> (дата обращения 20.05.2024).
- Зорькин В. (2011). Нам предстоит найти работающие концепции интеграции этносообществ в государство [Zorkin V. (2011). We have to find working concepts for the integration of ethnic communities into the state] // Российская газета. URL: <https://www.rg.ru/2011/09/07/zorkin-site.html> (дата обращения: 19.05.2024).
- Ленин В.И. (1913). Критические заметки по национальному вопросу [Lenin V.I. (1913). Critical notes on the national question]. Ленин В.И. ПСС. Т. 24. С. 113–150.
- Ленин В.И. (1922). К вопросу о национальностях или об автономизации [Lenin V.I. (1922). On the issue of nationalities or autonomization] — В.И. Ленин ПСС Т. 45. С. 356–362.

- Лю Сяньчжун (2014). Плюсы и минусы политики «Коренизации» СССР в 1920-е годы [Liu Xianzhong (2014). *Pros and cons of the policy of "indigenization" of the USSR in the 1920s* // Ойкумена. Регионоведческие исследования. №1 (28). С. 41–49.
- Мартин Т. (2011). Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 [Martin T. (2011). *Empire of "positive activity". Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939*]. — М.: Фонд Президентский центр Б.Н.Ельцина: РОССПЭН.
- Медведев считает опасными рассуждения о «крахе мультикультуры» (2011). [Medvedev considers discussions about the "collapse of multicultural" dangerous (2011)]. ИА РИА Новости URL: <http://ria.ru/politics/20110211/333250655.html> (дата обращения: 19.05.2024).
- Миронов Б.Н. (1999). Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX вв.) [Mironov B.N. (1999). *Social history of Russia during the imperial period (XVIII – early XX centuries)*]. — СПб.: Дмитрий Буланин, Т. 2.
- Мусаев В. И. (2004). Политическая история Ингерманландии в конце XIX—XX веке [Musaev V.I. (2004). *Political history of Ingria at the end of the 19th–20th centuries*]. — СПб: ИИ РАН «Нестор-История», 2004.
- Низамова Л. (2010). Смыслы и дилеммы мультикультурализма в России: идеологический поворот 2010-х гг. [Nizamova L. (2010). *The meanings and dilemmas of multiculturalism in Russia: the ideological turn of the 2010s.*] // *Вестник экономики, права и социологии*. № 1. С. 155–156. УДК 316.4.06 DOI: 10.18454/VEPS.2017.1.5518.
- Паин Э.А. (2010). О природе процесса этнического и религиозного возрождения [Pain E. A. (2010). *On the nature of the process of ethnic and religious revival*] // *Ценности и смыслы*. № 5(8). С. 33–49.
- Путин В.В. (2012). Россия: национальный вопрос. 23 января. 12:33 [Putin V.V. (2012). *Russia: the national question. January 23. 12:33*]. URL: <https://moscow.er.ru/activity/news/vladimir-putin-rossiya> (дата обращения 30.04.2024).
- Сталин И.В. (1923). Национальные моменты в партийном и государственном строительстве. Тезисы к XII съезду РКП(б), одобренные ЦК партии [Stalin I. V. (1923). *National moments in party and state building. Theses for the XII Congress of the RCP(b), approved by the Central Committee of the party*] // *Правда*. 24.03. № 65. URL: <http://www.hrono.ru/libris/stalin/5-11.html> (дата обращения: 30.04. 2024).
- Тишков В.А. (2003). Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии [Tishkov V.A. (2003). *Requiem for Ethnicity: Studies in Socio-Cultural Anthropology*]. — М.: Наука.
- Barrington J. (2008). *Separate but equal?: Māori schools and the Crown, 1867–1969*. — Wellington: Victoria University Press.
- Davies J. (2014). *The Welsh Language: A History*. — Cardiff: University of Wales Press.
- Domaradzki S, Khvostova M., Pupovac D. (2019). Karel Vasak's Generations of Rights and the Contemporary Human Rights Discourse // *Human Rights Review*. Vol.20 (4). Springer: 423–443. DOI:10.1007/s12142-019-00565-x.
- Gayman J. (2011). Ainu Right to Education and Ainu Practice of «Education»: Current Situation and Imminent Issues in Light of Indigenous Education Rights and Theory // *Intercultural Education*. Vol. 22, No 1. Pp. 15–27. DOI: 10.1080/14675986.2011.549642.
- Ginsburgh V., Weber S. (Eds.) (2016). *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. — London: Palgrave Macmillan.
- Hokkaido Ainu Living Conditions Survey (2017). / Kanako, Uzawa. *Crafting Our Future Together*.
- Kymlicka W. (1989–1990). *Liberalism, Community, and Culture*. — Oxford: Oxford University Press.
- Maori Language, Once Shunned, Is Having a Renaissance in New Zealand (2018). // *The New York Times*, September 16, 2018 // <https://www.nytimes.com/2018/09/16/world/asia/new-zealand-maori-language.html> (дата обращения 20.04.2024).
- Saving the Hawaiian Language* (2012). University of Hawai'i Foundation (uhfoundation.org) // URL: https://www.google.com/url?q=https://www.uhfoundation.org/saving-hawaiian-language&source=gmail&ust=1695287182310000&usq=AOvVaw2-3AN-H_B5Djsblkw_4niu (access date: 20.05.2024).
- Shabad G., Gunther R. (1982). Language, Nationalism, and Political Conflict in Spain // *Comparative Politics*. Vol. 14 No. 4. City University of New York: 443–477. DOI: 10.2307/421632.JSTOR421632.
- Siler J.F. (2012). *Crime of the Century, 1893. Lost Kingdom: Hawaii's Last Queen, the Sugar Kings and America's First Imperial Adventure*. — New York: Atlantic Monthly Press.
- Welsh language data from the Annual Population Survey: 2023. GOV.WALES (2024). URL:www.gov.wales. 18 April 2024. Retrieved 18 April 2024 (access date: 27.05.2024).

Паин Эмиль Абрамович

painea@mail.ru

Emil A. Pain

Doctor of Political Science, Candidate of History (Ethnology) Leading Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS (Moscow)

painea@mail.ru

POSITIVE ALIGNMENT IN LANGUAGE POLICY: PROS AND CONS. THE EXPERIENCE OF THE USSR, MODERN RUSSIA AND OTHER STATES¹⁹

Abstract. The article shows the dynamics over the last century of the affirmative action policy in the field of preservation and revival of minority and indigenous languages. The analysis is based on a comparison of the language policies of the Soviet Union, post-Soviet Russia and a number of foreign countries. The Soviet policy of “korenization” (1920s — early 1930s) was the world’s first experience of creating advantages for the development of minority and indigenous languages, as well as the complete opposite of the policy of prohibitions on the use of such languages, typical at that time for many countries of the world. The situation has changed radically in modern conditions. Most states with a liberal regime and a market economy are pursuing a policy similar to the Soviet “korenization” in relation to the revival of the languages of previously colonized peoples, whereas Russia has been moving further away from the Soviet policy of korenization since 2010. The main issue of the article is the analysis of the contradiction between the merits of “positive alignment” affirmative action in the field of language policy and its shortcomings in the field of social and interethnic relations

Keywords: *language policy, affirmative action, national minorities, indigenous peoples, titular nationalities of the republics.*

JEL: A12, A13, I24, Z10.

---

¹⁹ The study was done out within the framework of the «Program of Scientific Research for 2023–2025, Related to the Study of the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening the All-Russian Identity» (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V.A. Tishkov).